

© 2023. Синегубова К. В.

Мотив смеха в романе Ксении Букши «Адвент»

оригинальная статья

Мотив смеха в романе Ксении Букши «Адвент»

Синегубова Капиталина Валерьевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>

Scopus Author ID: 57395770500

sinegubova@nextmail.ru

Поступила в редакцию 01.04.2023. Принята после рецензирования 20.06.2023. Принята в печать 05.07.2023.

Аннотация: Рассмотрен один из мотивов, выполняющих структурообразующую функцию в романе «Адвент» (опубликован в 2021 г.) современного отечественного автора Ксении Букши. Цель – изучить мотив смеха и связанную с ним проблематику в романе К. Букши «Адвент». Будучи вынесенным в ретроспективную часть романа, отделенную графически от основной ткани повествования, мотив смеха как будто не связан с событийным рядом. Но фактически именно благодаря мотиву смеха в романе возникает целый ряд дополнительных сюжетных линий. Методологической основой работы является теория мотива, разработанная И. В. Силантьевым, в рамках которой мотив рассматривается как часть нарратива. Вариативность, свойственная мотиву в литературном произведении, в данном случае дополняется вариативностью смеха в философском и культурологическом смыслах. Для понимания семантики мотива смеха в данной статье мы обращаемся к работам С. С. Аверинцева, Л. В. Карасева, М. Т. Рюминой, в которых рассматривается феномен смеха. В ходе анализа романа было выявлено, что смех у К. Букши крайне редко связан с категорией комического и практически никогда не сопутствует осмеянию того или иного явления. Смех почти всегда является произвольным и немотивированным и связан с истинным, мнимым или невозможным освобождением героев от вечного повторения и дурной бесконечности, причем речь может идти как о жизни в целом, так и об отдельных ее периодах, угнетающих человека. Подобные моменты переживают не только главные герои, но и эпизодические персонажи, что свидетельствует об универсальности смеха как знака кризиса. Таким образом, осмысление мотива смеха в романе «Адвент» может стать базой для осмысления философской и онтологической проблематики данного произведения.

Ключевые слова: Ксения Букша, Адвент, современная литература, смех, мотив смеха, проблема свободы

Цитирование: Синегубова К. В. Мотив смеха в романе Ксении Букши «Адвент». *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 4. С. 587–594. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-587-594>

full article

Theme of Laughter in Ksenia Buksha's *Advent*

Kapitalina V. Sinigubova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-3917-1304>

Scopus Author ID: 57395770500

sinegubova@nextmail.ru

Received 1 Apr 2023. Accepted after peer review 20 Jun 2023. Accepted for publication 5 Jul 2023.

Abstract: This article discusses laughter as one of the structure-forming themes in Ksenia Buksha's novel *Advent* (2021). The novel consists of two parts, the retrospective one being graphically separated from the main narrative. The theme of laughter does not seem to be connected with the event part; however, it brings about several sidelines. Methodologically, the research relied on the theory of motif developed by I. V. Silantiev, where the motif is considered as part of the narrative. The variability of laughter in literature is complemented by its multifaceted character in philosophy and culture. The works by S. S. Averintsev, L. V. Karasev, and M. T. Ryumina made it possible to understand the semantics of laughter as a cultural and social phenomenon. In her novel, K. Buksha hardly ever links laughter with the category of comic: in fact, laughter almost never accompanies mockery. As a rule, laughter in *Advent* is involuntary and unmotivated. It is associated with the true, imaginary, or impossible liberation of the characters from eternal routine and malign

infinity, be it their entire lives or just a depressing episode. The laughter moments belong both to the main and episodic characters, which indicates that laughter is a universal symbol of crisis. This interpretation contributes to a deeper philosophical and ontological understanding of the contemporary Russian literature.

Keywords: Ksenia Buksha, Advent, modern literature, laughter, theme of laughter, problem of freedom

Citation: Sinegubova K. V. Theme of Laughter in Ksenia Buksha's *Advent*. *SibScript*, 2023, 25(4): 587–594. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-4-587-594>

Введение

Ксения Букша привлекает внимание исследователей как один из современных авторов в контексте актуальных тенденций в литературе [Барковская 2015; Гримова 2021; Золотова 2018; Золотова, Кабанова 2016; Луценко, Погорелая 2019; Погорелая 2019; Шайтанов 2019]. Существуют статьи, посвященные романам «Завод "Свобода"» [Барковская 2015; Васильева 2020; Синегубова 2017], «Чуров и Чурбанов» [Васильева 2020], книге «Открывается внутрь» [Полуляшина 2020b], отдельным рассказам [Крейер, Лепаква 2017; Полуляшина 2020a], а также особенностям прозы К. Букши в целом [Гримова 2022]. Актуальность настоящей статьи заключается в обращении к творчеству современного отечественного автора.

Роман «Адвент», опубликованный в 2021 г., еще не получил достаточно полного рассмотрения, хотя стал предметом изучения в работе, посвященной проблеме выхода героев К. Букши из ментальной изоляции [Гримова 2022]. В настоящей работе предметом исследования является мотив смеха в романе, что в определенном аспекте продолжает изучение психологического состояния героев. Новизна исследования обусловлена обращением к малоизученному роману и тем фактом, что мотивный анализ ранее не использовался при изучении произведений К. Букши.

Фабула романа складывается из незначительных событий, произошедших в течение трех недель в жизни молодой семьи, живущей в современном Петербурге. Эти события не составляют единый сюжет, несмотря на то что в них наблюдается хронологическая последовательность и действуют одни и те же герои. Значительно более важную роль в романе играет ретроспективный план: те события прошлого, которые возникают в памяти героев. Каждая глава романа посвящена одному из супругов, Косте или Ане, и содержит его или ее воспоминания соответственно. Воспоминания выделены графически: они написаны верлибром, который способствует более медленному чтению и большей весомости каждого слова. Благодаря воспоминаниям в романе формируются устойчивые мотивы, которые связывают

разрозненные события; важное место среди них занимает мотив смеха. Смех является основой воспоминаний: в первой главе романа герои предполагают, что коллекционирование странного смеха могло бы отвлечь Костю от навязчивых мыслей о суициде.

Следует обратить особое внимание на механизм возникновения этой мысли, т. к. он в сжатом виде демонстрирует принцип построения всего романа. Сначала Аня предлагает мужу что-нибудь коллекционировать, автор поясняет, что это ответ на реплику, прозвучавшую несколько дней назад. Костя отвечает, что можно собирать смех, поскольку незадолго до того они слышали смех случайных прохожих и подумали, что сами не умеют так смеяться. Однако логические связи между неумением смеяться и коллекционированием смеха не простроены в тексте: ни герои, ни автор никак не комментируют компенсаторность этого коллекционирования. Более того, совершенно неочевидно намерение (или согласие) Кости действительно собирать смех:

На самом деле ему не хотелось ничего собирать, а про смех он предложил так просто (с. 12)¹.

Тем не менее дальнейшие воспоминания героев часто строятся вокруг чьего-либо смеха, следовательно собирание происходит, и в седьмой главе Костя подтверждает, что действительно коллекционирует смех. Можно видеть, что в романе связанными оказываются довольно удаленные друг от друга элементы.

Соответственно для анализа романа «Адвент» представляется оптимальным мотивный анализ с опорой на работу И. В. Силантьева «Поэтика мотива» [Силантьев 2004]. И. В. Силантьев различает мотив в эпическом произведении (мотив как часть нарратива) и в лирическом. И хотя мотив смеха в романе К. Букши, как правило, предстает в рамках оформленных как верлибры воспоминаний, последние, во-первых, являются компонентом эпической повествовательной структуры, а во-вторых, содержат описание некоего события, произошедшего в прошлом. Следовательно,

¹ Букша К. Адвент. М.: Редакция Елены Шубиной, 2021. 288 с. Здесь и далее по тексту в скобках приведены страницы, на которых расположены цитаты.

необходимо рассматривать мотив смеха как часть нарратива. Может показаться, что мотив смеха, наблюдающийся в основном в разрозненных воспоминаниях героев, не имеет отношения к сюжету романа. Однако, представляется, что именно данный мотив организует альтернативный сюжет. Цель данной работы – изучить мотив смеха и связанную с ним проблематику в романе К. Букши «Адвент».

В пользу выбора метода мотивного анализа свидетельствует и тот факт, что мотив предполагает определенную вариативность, которая характерна и для феномена смеха. В. Я. Пропп, обращаясь к проблеме комического в искусстве, различает жизнерадостный и насмешливый смех [Пропп 1997: 210]. При изучении смеха в литературных произведениях исследователи опираются на мифологическое либо христианское понимание смеха и также сталкиваются с неоднозначностью данного мотива [Алексеева 2018; Скоропанова 2020].

Смысловая вариативность смеха отмечается в философско-культурологических исследованиях данного феномена [Аверинцев 1992; Бондаренко 2009; Гуленкова 2012; Карасев 1996; Колпикова 2010; Покотыло 2014]. Л. В. Карасев различает:

1) архаический, или смех тела, он же ритуальный, «переносающий энергию телесного энтузиазма на миры рождения и убийства, света и мрака» [Карасев 1996: 17];

2) смех ума, который обусловлен умением «видеть парадоксы в повседневной борьбе добра и зла» [Карасев 1996: 17].

М. Т. Рюмина разделяет смех как проявление физиологии человека или его психической жизни, т. е. психофизиологический смех, и смех как феномен культуры, который «использует свою психофизиологическую основу, надстраивая над ней как основанием только ему присущие, культурой выработанные смыслы» [Рюмина 2010: 130]. В то время как «психофизиологический смех связан с полнотой жизни тела, культурный смех связан с предельным состоянием» [Рюмина 2010: 135]. В данном случае мысль М. Т. Рюминой сближается с утверждением Л. В. Карасева, согласно которому «в пределе смех человека – это смех отчаянья» [Карасев 1996: 59].

В романе К. Букши «Адвент» практически не представлен «смех ума» (по Л. В. Карасеву) или «насмешливый смех» (по В. Я. Проппу), как правило, смех «неконтролируем и неинтенционален» [Мартынова 2012: 128], но при этом в романе представлен достаточно широкий диапазон вариантов смеха. Определение мотива смеха представляет сложность именно в силу специфики феномена смеха. Как отмечал С. С. Аверинцев, «смех – на то и смех, на то и стихия, игра, лукавство, чтобы в своем движении смешивать разнородные мотивации,

а то и подменять одну мотивацию – совсем другой. Начав смеяться, мы словно поднимаем якорь и даем волнам увлекать нас в направлении, заранее непредсказуемом» [Аверинцев 1992: 7–8].

Результаты

Как уже было отмечено выше, мотив смеха в романе возникает потому, что герои коллекционируют смех, в том числе обращаясь к своим воспоминаниям, в которых так или иначе фигурирует смех. Уже в первой главе Костя вспоминает, как смеялась одноклассница, которой он был увлечен. Заражаясь от нее, смеялся весь класс, и только Костя не смеялся. Смех в этой ситуации лишь в малой мере обусловлен шуткой учителя, поскольку его громкость и длительность непропорциональны комической ситуации. В данном случае, как описывал С. С. Аверинцев, «нервно-мышечная реакция, разбуженная мыслью, подхватывает порыв мысли и тут же перехватывает у нее инициативу – мы только что смеялись, потому что находили мысль смешной, и вот мы уже находим другую мысль смешной, потому что продолжаем смеяться, – уже оно облегчает любые подмены» [Аверинцев 1992: 8]. Перед нами архаический смех, связанный с избытком жизни. Смеющаяся Маша описана как воплощение телесности, жизненности, всеобщий смех характеризуется как *оргия хохота и оргазм хохота*.

С этой первой главой и ситуацией смеха в классе перекликается десятая, в которой Аня вспоминает музыкальную школу и уроки музлитературы, когда учащиеся переиначивали строчки романсов и *погибали от смеха, ложась на парты* (с. 187). Смех опять предстает как неконтролируемая, захватывающая стихия. Но, во-первых, он захватывает и Аню (в то время как Костя один не смеялся), а во-вторых, смех связан уже не с радостью и жизненностью, его описание сопровождается противоположными оценками:

гогот казался чем-то стремным, дьявольским, но перестать было невозможно (с. 189).

Наряду с негативной семантикой смеха, которой не было в первой главе, в десятой возникает оппозиция смеха и тоски:

он знал, что ученики его, которые так гогочут которых аж выворачивает от смеха он знал, как сильна в них тоска, в каждом (с. 192).

Смех не уничтожает тоску, а лишь маскирует ее, поэтому можно интерпретировать его как смех отчаяния. Данные два эпизода смеха в классе, расположенные в начале и конце романа, взаимно дополняют друг друга.

Более поздний эпизод заставляет переосмыслить более ранний и усомниться в жизнерадостности смеющихся подростков из первой главы.

Во второй главе романа мы опять встречаемся с жизнерадостным смехом. История Иры – это противопоставление живого *ангельского* смеха внешним ограничениям, кропотливой работе в банке и безжизненно белой квартире. Семантика радости и легкости усиливается благодаря аллюзии на Моцарта, а именно на киновоплощение образа Моцарта в фильме «Амадей» (*Amadeus*):

*Аня представляла себе, как папа щекочет
Маленькую Иру за пятки
И оба хохочут как два Амадеуса
Из фильма Милоша Формана
Бессмысленным безоглядным смехом (с. 40).*

Смех противостоит страхам Иры и сопровождает ее разрыв с мужем, с которым нет взаимопонимания и близости, т.е. помогает выйти из ситуации, которая тяготит героиню. Однако в этой же главе есть фраза:

*когда понимаешь, что смех не выход, наступает
тупик (с. 42).*

Неясно, кому принадлежит эта фраза: Ире или вспоминающей о ней Ане, – однако в любом случае *ангельский* смех воспринимается как знак освобождения в ситуации несвободы, но освобождения не абсолютного. М. М. Бахтин указывал на ограниченность и эфемерность смехового освобождения [Бахтин 1990: 103, 108]. Смех Иры действительно является маркером перехода, хотя не приводит к полной свободе или полному счастью:

*потом Ира долго не могла смеяться
и теперь, возможно, ей не так просто
это делать (с. 41).*

В пятой главе жизнерадостный смех принадлежит Костиному отцу, который смеется, когда вокруг него собираются дети. Идиллическая картина семейного единства позволяет трактовать данный смех как смех счастливый, хороший:

*и в эту минуту отец начинал смеяться
понемножку выдыхая воздух и прикрывая глаза
в деланной беззаботности
или даже в настоящей
это был хороший смех – не маленький
и не большой
этот смех весь помещался в настоящем
как папа – в ванне (с. 91).*

Как и в случае с Ирой, смех противопоставлен тяжести жизни, в данном конкретном случае – лагерному прошлому. Но кроме того, в этой главе смех также противопоставлен смерти, поскольку Костин отец жив, пока вокруг него счастливая семья, и убивает себя в день, когда остается в одиночестве, и общее веселье невозможно.

Вторая и пятая главы, посвященные разным героям и содержащие никак не связанные между собой воспоминания Кости и Ани, дают позитивную вариацию мотива смеха. Отметим, что смех дает лишь временное облегчение, не превращая жизнь в качественно иную. Необходимы определенные условия и близкие люди (подруги, семья) для того, чтобы герои начали смеяться, однако в ценностном аспекте смех маркирован как положительное явление.

В третьей главе Костя вспоминает о своем однокурснике Веро, феноменально талантливом математике, чей смех упомянут два раза. Первая характеристика смеха Веро – *братский*, он уравнивает Веро с другими людьми, превращает его из феномена в обычного парня. Здесь можно провести параллель с описанными выше случаями коллективного смеха. Однако второе упоминание смеха Веро, *навсегда перешедшего в разряд преданий*, делает смех атрибутом смерти:

*и главное, то
как смеялся Веро, будто от чего-то (от всего)
решительно отказываясь
со смехом (с. 60).*

Это второе упоминание не проясняет и не дополняет первое, а скорее противоречит ему: смех Веро уникальный, он не уравнивает персонажа с другими людьми и не сближает с ними, а ставит его особняком. Смех становится знаком выхода, но выхода не только из тоски или иных жизненных тягот, но и из самой жизни. Обратим внимание, что данное сближение смеха и смерти происходит в сознании Кости уже постфактум: союз *будто* не позволяет однозначно утверждать, что смех вызван осознанием некоего противоречия в жизни, которое бы вызвало отказ от нее. Текст романа позволяет принять интерпретацию Кости или усомниться в ней. Однако последующие главы содержат еще несколько эпизодов смеха, который не связан ни с жизнерадостностью, ни с феноменом комического. Например, смех Лилит, которая подталкивает Аню к самоубийству и сама совершает суицид:

*Йах, йах, йахх! – смеялась она отчаянно, как чайки
кричат (с. 238).*

Несколько раз в романе «Адвент» описан нездоровый смех, когда нет даже намека на комическую ситуацию или положительные эмоции. Зачастую герои задыхаются или всхлипывают во время смеха, такое описание вводит в текст семантику удушья и плача, что сближает смех со страданием. В седьмой главе Костя вспоминает смех Романова, который всех пугает. Смех вперемешку со слезами, смех на вдохе – совсем иной, чем привычное романовское хехеканье:

*и смеется своим новым смехом
на вдохе, задыхаясь
как будто хочет весь мир вдохнуть
и захлебывается почти на всхлипе каком-то (с. 129).*

Смех Романова является маркером сумасшествия, хотя самому Романову кажется, что он просветлился, но он не может спать и все время находится в бешеном движении. Этот эпизодический герой явно болен. В следующей же главе такой противоестественный, нездоровый смех объясняется не только болезнью. Аня в настоящем времени романа встречает девушку, которая ведет себя точно так же, как Романов, заходится смехом, причем ее *хохот похож на рвоту* (с. 141). И хотя для Ани очевидно наркотическое опьянение этой случайно встреченной девушки, это событие наталкивает героиню на размышление о свободе:

Девушка сумасшедшая, это ясно. Неужели свобода может быть только такой? Нет, не свобода это. Все ее действия вынужденные, этот хохот – насильственный (с. 142).

Неадекватная хохочущая девушка воплощает собой свободу от рутины, она может вести себя как пожелает, а не так, как требуется. Ее поведение однозначно интерпретируется Аней как свобода. Однако после короткого размышления становится ясно, что эта свобода мнимая, как и просветление Романова. В двух описанных эпизодах смех не приносит временного облегчения (как в случае с Ирой и отцом Кости), но становится знаком тупика, безвыходности.

Далее в одиннадцатой главе описан болезненный смех Наташки, про которую известно, что она постоянно чувствует боль после страшной аварии, глубоко несчастна и смеется в тот момент, когда рассказывает о совершенном над ней насилии. А в следующей двенадцатой главе представлен смех Ани после шести сигар:

*так вот в горле, в груди начинается такое
рефлекторное
«ахаха» – любой мелкий повод вызывает*

*небольшой смешок
и на большее тебя уже не хватает
не хватает дыхания
ты как будто вытаскиваешь этот смешок... (с. 221).*

Таким образом, перед нами четыре эпизода смеха, которые связаны с разными героями и разными ситуациями. Тем не менее они похожи: это смех на вдохе, похожий на рвоту, смех, на который не хватает дыхания, очень тихий смех. Во всех перечисленных случаях перед нами телесный смех, поскольку он вызван сильным стрессом, измененным состоянием сознания или болезнью. Смех связан с тем, что и Романов, и Аня, и безымянная девушка чувствуют себя свободными, ломают рамки привычной действительности, стремятся к обретению новой жизни или новой истины, но во всех случаях перед нами только иллюзия свободы. Поэтому в группе героев, которые смеются нездоровым смехом, находится Наташка, отчетливо понимающая безвыходность своего положения. Эти случаи смеха можно интерпретировать как смех отчаяния, осознанного или неосознанного героями.

Однако в дальнейшем мы можем видеть, что смех – все же в каком-то смысле выход, он становится катализатором реальных изменений. В восьмой главе Аня вспоминает своего бывшего парня, отношения с которыми были тягостными для нее и от которых она смогла освободиться благодаря случайному приступу смеха в маршрутке. Этот странный с точки зрения окружающих немотивированный смех помог Ане качественно (и без особых усилий) изменить жизнь к лучшему:

*но как-то так получилось, что именно тот хохот
без причины
повернул ее житуху к лучшему
пришла весна, настало лето
Аня нашла свою первую приличную работу
стала жить так, как ей нравится
но, кажется, никогда
да и не кажется, а никогда она больше так
не смеялась
и до этого никогда
это точно (с. 152).*

Приведенная история из прошлого перекликается с аналогичным разрывом брака Иры во второй главе, но несколько иначе расставленные акценты позволяют прочитать историю Ани как более позитивную и освобождение не как иллюзорное, а как настоящее, тем более что про последующую жизнь Иры мы ничего не знаем, а Аню видим в настоящем времени романа в счастливом браке.

Смех в маршрутке соотносится с еще одним «смеховым» освобождением, описанным в предпоследней главе. Когда Аню в детстве обижают соседские дети, в ситуации конфликта они раскручивают ее на детской карусели, чтобы Аня слетела с нее на землю. Невозможно не провести параллель между круговым движением карусели и цикличностью повторяющихся событий, от которых страдают другие герои, в том числе сама Аня уже во взрослом возрасте. Однако героиня находит способ остановить карусель и благополучно сойти с нее – она смеется над своими обидчиками. Это единственный случай в романе, когда героиня находит в сложной для себя ситуации комическое несоответствие и смеется осознанно и целенаправленно. Хотя этот эпизод смеха – последний в романе, однако по времени жизни героини – первый, поэтому едва ли можно трактовать его как итоговый и заключительный. После случая с каруселью маленькая Аня с ужасом думает, как будет учиться со своими мучителями в одном классе. Таким образом, несмотря на большую активность героини и сознательное использование смеха, выход опять оказывается временным.

Смех Ани занимает в романе три эпизода воспоминаний и описывается достаточно подробно. Отметим, что это всегда разный смех: болезненный смех после сигар, жизнерадостный телесный смех в маршрутке и осознанный, осмеивающий смех в детстве.

Второй главный герой, Костя, смеется гораздо реже, его смех в тексте романа никогда не получает развернутого описания:

*и Костя засмеялся тоже (с. 180),
Костя коротко, нервно расхохотался, сам того не замечая (с. 200).*

Если во всех остальных случаях смех является самостоятельным событием, то в случае с Костей это всегда часть коммуникации – ответ на шутку или выражение эмоций:

он как будто в три выдоха выразил свое предельное изумление (с. 200).

В целом же Костя чаще не смеется, в романе неоднократно подчеркивается его спокойствие среди общего веселья в классе или в семье. Именно неспособность к жизнерадостному, веселому смеху становится отличительной чертой героя, отличающей его от всех остальных людей. Итак, смех в романе выполняет еще одну функцию: способность смеяться и смеховой опыт становятся значимыми характеристиками героев.

Заключение

В романе «Адвент» мотив смеха является устойчивым и частотным и возникает не только в связи с главными героями, но и с эпизодическими. Наиболее часто встречается смех отчаяния или смех предельного состояния, сопровождающий моменты экзистенциальных тупиков и жизненных кризисов. Несколько реже встречается счастливый, жизнерадостный смех, маркирующий собой временное облегчение, дающий возможность примириться с миром. Смех может давать реальное освобождение, хотя подобные случаи никак не объясняются в романе и описаны настолько лаконично, что не представляется возможным найти мотивировку. Наконец, смех используется как способ воздействия на ситуацию. В романе этот способ оказывается интуитивным, неотрефлексированным и практически недоступным в дальнейшем.

Проследив различные варианты мотива смеха в романе, мы можем сделать вывод, что он является маркером жизненного тупика, в котором оказываются главные и второстепенные герои. Повторяющиеся ситуации формируют второй сюжет, более драматичный, чем течение жизни главных героев в реальном времени романа. Следовательно, роман «Адвент» не исчерпывается смыслом ожидания Рождества, благодаря мотиву смеха и связанным с ним ситуациям реализуется семантика ожидания глобальных перемен в жизни.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура. М. М. Бахтин как философ, ред. Л. А. Гоготишвили, П. С. Гуревич. М.: Наука, 1992. С. 7–19. [Averintsev S. S. Bakhtin, laughter, and Christian culture. M. M. Bakhtin as a philosopher, eds. Gogotishvili L. A., Gurevich P. S. Moscow: Nauka, 1992, 7–19. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tjmnjh>
- Алексеева М. М. Неоднозначный мотив смеха в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*. 2018. № 4. С. 154–160. [Aleksееva M. M. The ambiguous motive of laughter in Dostoevsky's novel "The Idiot". *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 2018, (4): 154–160. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2018-4-154-160>

- Барковская Н. В. Производственный роман 2010-х: трансформация жанра (К. Букша «Завод "Свобода"», И. Глебова «Чертежи Жерве»). *Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения*. 2015. № 2. С. 127–141. [Barkovskaya N. V. Occupational novel of 2010s: genre transformation (K. Buksha "Factory Svoboda", I. Glebova "Gervais's Technical Drawings"). *Uralskii filologicheskii vestnik. Serii: Russkaia literatura XX–XXI vekov: napravleniia i techeniia*, 2015, (2): 127–141. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ublvyr>
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. 543 с. [Bakhtin M. M. *Francois Rabelais' creativity and folk culture of the Middle Ages and Renaissance*. 2nd ed. Moscow: Khudozh. lit., 1990, 543. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqmunr>
- Бондаренко А. В. Филология комизма и смеха. *Вестник Военного университета*. 2009. № 2. С. 107–113. [Bondarenko A. V. Philology of comedy and laughter. *Vestnik Voennogo universiteta*, 2009, (2): 107–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/knnwdd>
- Васильева Н. В. Имена двойников: номинативный контекст и нарративные смыслы (на материале прозы Ксении Букши). *Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения*, отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Гнозис, 2020. С. 339–349. [Vasilyeva N. V. The names of doubles: nominative context and narrative meanings in Ksenia Buksha's prose. *Language, culture, creativity: World practices of studying*, ed. Zyкова I. V. Moscow: Gnosis, 2020, 339–349. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/glmwdt>
- Гримова О. А. Кризис личностной идентичности в классической и неклассической прозе. *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение*. 2021. № 1. С. 139–145. [Grimova O. A. The crisis of personal identity in classical and non-classical prose. *Bulletin of Adyghe State University, Ser. 2: Philology and Art Criticisms*, 2021, (1): 139–145. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aicqwdy>
- Гримова О. А. Ментальная изоляция и ее нарративная репрезентация в прозе К. Букши. *Успехи гуманитарных наук*. 2022. № 12. С. 26–30. [Grimova O. A. Mental isolation and its narrative representation in K. Buksha's prose. *Modern Humanities Success*, 2022, (12): 26–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raqrwo>
- Гуренкова Ю. В. Феномен ритуального смеха: от архаики к современности. *Вопросы культурологии*. 2012. № 12. С. 57–61. [Gurenkova Yu. V. The phenomenon of ritual laughter: from archaism to modernity. *Voprosy kulturologii*, 2012, (12): 57–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ponixb>
- Золотова Т. А. Фольклоризм в творчестве молодых российских авторов. *Традиционная культура*. 2018. Т. 19. № 3. С. 20–29. [Zolotova T. A. Folklorism in the works of contemporary young Russian authors. *Traditional culture*, 2018, 19(3): 20–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yogigt>
- Золотова Т. А., Кабанова Т. Л. «Советский дискурс» и особенности его интерпретации в молодой литературе (на материале творчества Ксении Букши). *Актуальные проблемы романо-германской филологии и преподавания европейских языков в школе и вузе: V заоч. Всерос. (с Междунар. уч.) науч.-практ. конф. (Йошкар-Ола, 18–20 марта 2016 г.)* Йошкар-Ола: МарГУ, 2016. С. 190–201. [Zolotova T. A., Kabanova T. L. "Soviet discourse" and its interpretation in "young" literature (on Ksenia Buksha's novels). *Relevant issues of Romano-Germanic philology and teaching European languages at school and university: Proc. V extramural All-Russian (with Intern. participation) Sci.-Prac. Conf., Yoshkar-Ola, 18–20 Mar 2016*. Yoshkar-Ola: MarSU, 2016, 190–201. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xehwan>
- Карасев Л. В. Философия смеха. М.: РГГУ, 1996. 224 с. [Karasev L. V. *Philosophy of laughter*. Moscow: RSUH, 1996, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/siasup>
- Колпикова О. П. Смех как социально-культурный феномен. М.: МГПУ, 2010. 121 с. [Kolpikova O. P. *Laughter as a socio-cultural phenomenon*. Moscow: MSPU, 2010, 121. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qolrnn>
- Крейер Н. Е., Лепаква К. А. «Мужской» и «женский» сюжет в современной литературе. *Филологические чтения ЯрГУ им. П. Г. Демидова: конф. (Ярославль, 22–23 мая 2017 г.)* Ярославль: ЯрГУ, 2017. С. 156–159. [Kreier N. E., Lepakova K. A. "Male" and "female" plots in modern literature. *Philological readings of the Yaroslavl State University: Proc. Conf., Yaroslavl 22–23 May 2017*. Yaroslavl: YSU, 2017, 156–159. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zaravv>
- Луценко Е. М., Погорелая Е. А. Хронотоп угрозы и ее метафорическое преодоление в российском интеллектуальном романе XXI в. *Новый филологический вестник*. 2019. № 3. С. 135–148. [Lutsenko E. M., Pogorelaya E. A. The chronotope of threat and its metaphorical overcoming in the Russian intellectual novel of the XXI century. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2019, (3): 135–148. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2019-00067>
- Мартынова Е. М. Феномен смеха в аномальной коммуникации. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2012. № 4. С. 126–131. [Martynova E. M. The phenomenon of laughter in the anomalous communication. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 2012, (4): 126–131. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pinvar>

- Погорелая Е. А. О двух романах 2018 года в свете проблемы взросления. *Вопросы литературы*. 2019. № 6. С. 104–116. [Pogorelaya E. A. Two coming-of-age novels (2018). *Voprosy Literatury*, 2019, (6): 104–116. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-6-104-116>
- Покотыло М. В. Комическое и смех в современной гуманитарной парадигме. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2014. № 2. С. 177–180. [Pokotylo M. V. The comic and laughter in the modern paradigm of humanities. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2014, (2): 177–180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sobfdd>
- Полуляшина Д. И. Интрига слова в рассказе «Сосновая поляна. Ася» Ксении Букши. *Актуальные вопросы филологических исследований: Междунар. науч.-практ. конф.* (Краснодар, 20 марта 2020 г.) Краснодар: ИД – Юг, 2020а. С. 115–120. [Polulyashina D. I. Verbal intrigue in Ksenia Buksha's Pine Glade. *Asya. Topical Issues of Philological Research: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Krasnodar, 20 Mar 2020. Krasnodar: ID – Yug, 2020a, 115–120. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vgoeii>
- Полуляшина Д. И. Репрезентация кризиса идентичности в книге Ксении Букши «Открывается внутрь». *Вестник Костромского государственного университета*. 2020b. Т. 26. № 2. С. 198–203. [Polulyashina D. I. Representation of identity crisis in Ksenia Buksha's book "Opens inwards". *Vestnik of Kostroma State University*, 2020b, 26(2): 198–203. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-2-198-203>
- Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 1997. 283 с. [Propp V. Ya. *Issues of comedy and laughter*. 2nd ed. St. Petersburg: Aleteia, 1997, 283. (In Russ.)]
- Рюмина М. Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность. 3-е изд. М.: Ленанд, 2010. 314 с. [Ryumina M. T. *Aesthetics of laughter. Laughter as virtual reality*. 3rd ed. Moscow: Lenand, 2010, 314. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qwvjvp>
- Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: ЯСК, 2004. 294 с. [Silantev I. V. *Poetics of motif*. Moscow: IaSK, 2004, 294. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qquxiv>
- Синегубова К. В. Функция интермедий в романе Ксении Букши «Завод "Свобода"». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 7-1. С. 74–76. [Sinegubova K. V. Interlude function in the novel by Ksenia Buksha's "The Freedom Factory". *Philology. Theory & Practice*, 2017, (7-1): 74–76. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yqeebz>
- Скоропанова И. С. Феномен смеха в романе Анатолия Королёва «Хохот». *Анализ одного произведения*, редкол.: И. С. Скоропанова и др. Мн.: ИВЦ Минфина, 2020. С. 185–219. [Skoropanova I. S. The phenomenon of laughter in Anatoly Korolev's novel *Laughter. A one-work analysis*, ed. board: Skoropanova I. S. et al. Minsk: IVTs Minfina, 2020, 185–219. (In Russ.)]
- Шайтанов И. О. Принципы построения тезауруса в романном пространстве. *Новый филологический вестник*. 2019. № 3. С. 126–134. [Shaytanov I. O. The guidelines for building up a thesaurus in the contemporary novel. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2019, (3): 126–134. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2019-00066>